

Содержание

<i>Пролог.</i>	Находка.....	9
Глава 1.	Я — внучка военного преступника.....	13
Глава 2.	Глава концлагеря Плашов: Амон Гёт, мой дед.....	33
Глава 3.	Жена коменданта: Рут Ирен Кальдер, моя бабушка.....	77
Глава 4.	Жизнь с мертвецом: Моника Гёт, моя мать.....	121
Глава 5.	Внуки пострадавших: друзья в Израиле.....	185
Глава 6.	Цветы в Кракове	235
<i>Источники.</i>		255
<i>Источники иллюстраций</i>		259

ПРОЛОГ

Находка

Эта женщина кажется мне знакомой. Я стою в Центральной библиотеке Гамбурга и держу книгу в красном переплете, которую только что сняла с полки. На обложке черно-белый портрет женщины среднего возраста. Взгляд у нее задумчивый, немного напряженный, безрадостный. Уголки рта опущены. Женщина выглядит несчастной.

Пробегаю глазами подзаголовок: «Жизнь Моники Гёт, дочери коменданта концлагеря из “Списка Шиндлера”». Моника Гёт! Я знаю это имя. Так зовут мою мать. Когда-то давно она сдала меня в детский приют, и мы не виделись уже много лет.

Я раньше носила фамилию Гёт, она была у меня с рождения. Первые школьные тетрадки я подписывала так — Дженнифер Гёт. Потом меня удочерили, и я взяла фамилию приемных родителей. Мне тогда было семь лет.

Как на этой книге оказалось имя моей матери? Разглядываю обложку. Позади женщины изображен мужчина с открытым ртом и оружием в руке. Он похож на призрака. Судя по всему, это и есть комендант концлагеря.

Я нетерпеливо раскрываю книгу и начинаю листать, сначала медленно, потом быстрее и быстрее. Здесь не только текст, но еще и множество фотографий. Кажется, я где-то

уже видела людей с этих снимков. Высокая молодая девушка с темными волосами на одном из них похожа на мою мать. На другой фотографии женщина постарше сидит в Английском саду в Мюнхене, на ней летнее платье в цветочек. У меня очень мало фотографий бабушки, и каждую я помню досконально, включая ту, на которой у бабушки точно такое же платье. Фотография в книге подписана так: «Рут Ирен Гёт». Так звали мою бабушку.

Это кто, мои родные? Это фотографии мамы и бабушки? Нет, бред какой-то. О моей семье написали книгу, а я об этом ничего не знаю? Исключено.

Лихорадочно листаю дальше. В самом конце, на последней странице книги, я нахожу биографию, и она начинается со слов: «Моника Гёт. Родилась в 1945 году в Бад-Тельце, Германия». Эти сведения мне известны. Из моих документов об удочерении. И вот они напечатаны здесь, черным по белому. Это действительно моя мать. Речь идет о моей семье.

Захлопываю книгу. Тишина. В глубине читального зала слышится чей-то кашель. Мне хочется убежать отсюда, как можно скорее, и остаться с книгой один на один. Я прижимаю ее к себе, как сокровище, спускаюсь по лестнице и подхожу к стойке выдачи. Даже не замечаю, как выглядит библиотекарь, которой я протягиваю книгу. Выхожу на широкую площадь перед библиотекой. Ноги подкашиваются. Опускаюсь на скамейку, закрываю глаза. За спиной шумит транспорт.

Моя машина стоит напротив, но я пока не в состоянии сесть за руль. Пару раз порываюсь открыть книгу. Мне страшно. Лучше прочту ее дома, не торопясь, от начала до конца.

Несмотря на теплый августовский день, руки у меня ледяные. Звоню мужу: «Приезжай и заberi меня. Я тут нашла одну книгу. О моей матери и моих родных».

Почему мать никогда мне об этом не рассказывала? Я что, до сих пор так мало для нее значу? И кто такой Амон Гёт? Что он совершил? Почему я о нем ничего не знаю? И как это все связано со «Списком Шиндлера» и с так называемыми евреями Шиндлера?

Этот фильм я смотрела очень давно. Помню, была середина девяностых, я училась в Израиле. Все тогда обсуждали драму Стивена Спилберга о Холокосте. Я посмотрела ее чуть позже по израильскому телевидению, сидя одна в комнате, которую снимала на Рехов Энгель (улице Ангела) в Тель-Авиве. Фильм меня тронул, но конец показался немного банальным, слишком голливудским.

Я восприняла «Список Шиндлера» просто как очередной фильм. Ко мне он не имел никакого отношения.

Почему никто не сказал мне правды? Неужели мне врили все эти годы?

ГЛАВА 1

Я — внучка военного преступника

*Холокост в Германии —
это семейная история*.*

РАУЛЬ ХИЛЬБЕРГ

Я родилась 29 июня 1970 года. Отец родом из Нигерии, мать зовут Моника Гёт. Мне было четыре недели, когда она отдала меня в католический приют на попечение монахинь.

С трех лет я жила в патронатной семье, в семь лет меня удочерили. Я чернокожая, а мои приемные родители и двое их сыновей белые. Все понимали, что я им не родная. Но мама с папой уверяли, что любят меня ничуть не меньше собственных детей. В детско-родительской группе приюта они играли со мной и с моими братьями, мастерили поделки, занимались физкультурой. В то время родная мать и бабушка еще поддерживали со мной контакт, но потом связь оборвалась. Последний раз я виделась с матерью, когда мне был 21 год.

* Пер. А. С. Ерховой.

И вот сейчас мне 38, и я нахожу эту книгу. Почему из сотен тысяч книг я выбрала именно ее? По велению судьбы?

День начинался вполне обыденно. Муж уехал на работу, я отвела сыновей в детский сад, а потом отправилась в город. Я собиралась заскочить в библиотеку, где часто бываю. Обожаю концентрированную тишину, осторожные шаги, шелест страниц, склоненные над книгами спины. В отделе психологии я искала информацию о депрессии. На уровне пояса, между «Искусством любить» (Die Kunst des Liebens)* Эриха Фромма и томиком с универсальным заглавием «Вся сила в кризисе» (In der Krise liegt die Kraft) стояла книга с красной обложкой. На корешке я прочитала: «Маттиас Кесслер. И после этого я должна любить отца?» (Ich muß doch meinen Vater lieben, oder?). Имя автора мне ни о чем не говорило, но заголовок заинтересовал. Поэтому я книгу и взяла.

Мой муж Гётц находит меня на скамейке перед библиотекой. Он садится рядом, замечает книгу, быстро пролистывает страницы. Я выхватываю книгу у него из рук. Она принадлежит мне. Это ключ к истории моей семьи. Ключ к моей жизни, который я искала долгие годы.

Меня постоянно преследовало чувство, что со мной что-то не так, — из-за депрессий, общей угнетенности. Насколько глубока была моя проблема, я тогда не осознавала.

Гётц берет меня за руку, мы идем к машине. Путь домой проходит в молчании. Муж отпрашивается с работы до конца дня и берет на себя сыновей.

* Фромм Э. Искусство любить. — М.: АСТ, 2022.

Я падаю на кровать и читаю, читаю, пока не дохожу до последней страницы. Когда я захлопываю книгу, за окном уже темно. Сажусь за компьютер и всю ночь прочесываю интернет, собирая информацию, которая связана с Амоном Гётом. Такое ощущение, что я захожу в комнату ужасов.

Читаю о том, как в Польше он проводил чистки в гетто, о совершенных им жестоких убийствах, о его псине, натаканной на людей. Только сейчас я начинаю осознавать масштаб преступлений Амона Гёта. Передо мной сразу встают фигуры Гимmlера, Геббельса, Геринга. Я еще не знала подробностей, но очень скоро мне предстояло понять, что персонаж из «Списка Шиндлера» не какая-то выдуманная личность. У него был прототип из плоти и крови. Мой дед. Человек, который уничтожал людей и при этом испытывал удовольствие. Я внучка убийцы.

* * *

У Дженнифер Тиге приятный низкий голос, она говорит с мюнхенским акцентом, округляя «р». У нее открытое лицо без следов макияжа, выющиеся черные волосы красиво уложены, стройные длинные ноги. На ней отлично смотрятся узкие брюки. Когда Дженнифер входит в комнату, все поднимают голову, мужчины провожают ее взглядом. Она держится уверенно, ступает твердо и решительно.

Друзья описывают Дженнифер Тиге как женщину самодостаточную, с пытливым умом и жадой приключений. Вот как вспоминает о ней одноклассница: «Когда Дженнифер рассказывали о какой-то необычной стране, она с криком “Ничего об этом

не знаю, надо ехать!" тут же отправлялась в Египет, Лаос, Вьетнам или Мозамбик».

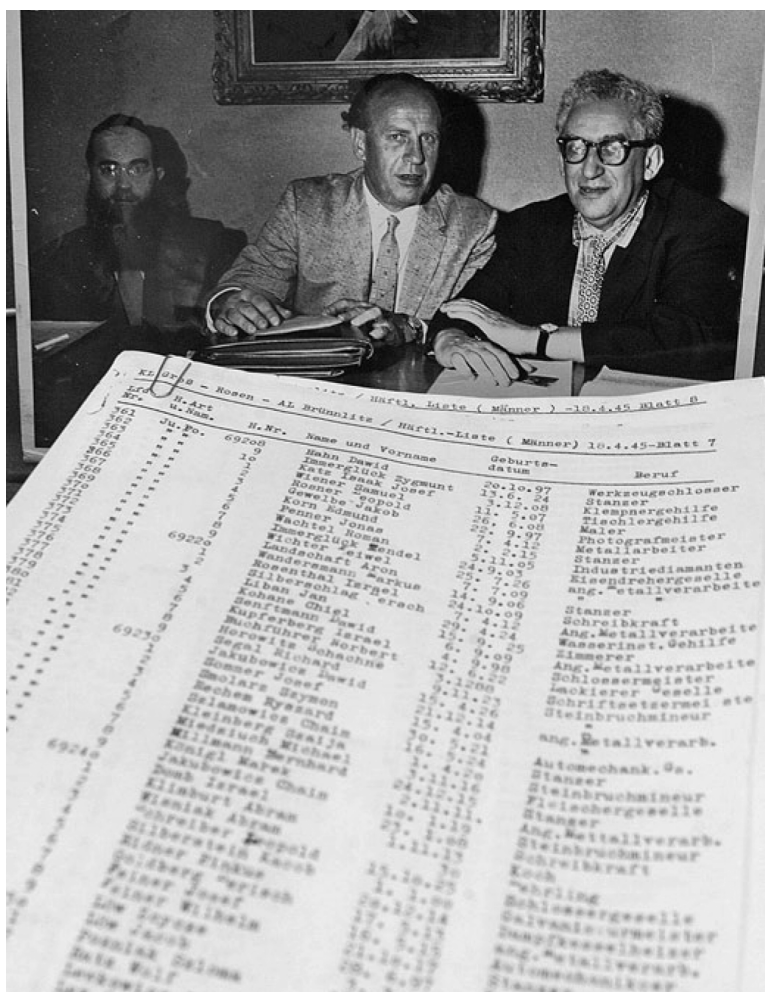
Однако, когда речь заходит о ее семейной истории, у Дженнифер начинают дрожать руки. Она плачет.

Книга с библиотечным шифром *Мст О GOET#KESS* делит ее жизнь на до и после. До того как книга попала к ней в руки, Дженнифер ничего не знала о семейной тайне.

О ее дедe слышал весь мир. Это жестокий комендант концлагеря из фильма Стивена Спилберга «Список Шиндлера». Амон Гёт — собутыльник и антипод Оскара Шиндлера, его ровесника. Убийца евреев против спасителя евреев. В культурной памяти увековечена сцена из фильма, в которой Амон Гёт, разминаясь утром, стреляет в заключенных с балкона своей виллы.

Амон Гёт служил комендантом концентрационного лагеря Плашов в Кракове и виновен в смерти тысяч людей. В 1946 году в Кракове его повесили, а прах развеяли над Вислой. Гражданская жена Гёта, Рут Ирен, любимая бабушка Дженнифер Тиге, впоследствии отрицала его преступления. В 1983-м она покончила с собой, наглотавшись снотворного.

У Дженнифер Тиге немецкие корни: дед, нацистский преступник, и бабушка, его соратница. Мать, выросшая в свинцово-тяжелом молчании послевоенных лет. Вот такая семья. Вот такие предки, о которых Дженнифер, будучи приемным ребенком, страстно желала узнать. Кто же она сама?

Оригинал списка Шиндлера, найденный в 1999 году на чердаке дома в Хильдесхайме. На заднем плане — фотография Оскара Шиндлера (посередине)

Теперь над всем, что у меня есть в жизни, нависает знак вопроса. Близкие отношения с приемными братьями, друзья в Израиле, брак, двое сыновей. Неужели все это овеваяно ложью? Я как будто все это время жила под фальшивым именем и всех обманывала.

При этом и я сама оказалась обманутой. Ложью пропитана вся моя история. Мое детство. Моя личность.

Я уже не понимаю, к какой семье отношусь. К приемной или к Гётам? Впрочем, выбирать не приходится. Я из семьи Гёт.

Когда в возрасте семи лет меня удочерили, мне дали другую фамилию, это было легко. Просто выдали новые документы. Приемные родители спросили, не против ли я смены фамилии. Я была не против, а мнения биологической матери узнать не решилась. Мне хотелось наконец-то обрести нормальную семью.

В поисках информации об Амоне Гёте в интернете я наткнулась на сюжет для телепрограммы Arte. Американский режиссер снял документальный фильм о том, как моя мать встретила с бывшей узницей концлагеря Хелен Розенцвейг, которая работала служанкой на вилле моего деда. По удивительному совпадению, премьера немецкоязычной версии фильма должна была состояться на следующий вечер.

Сначала книга, потом фильм — слишком много всего сразу, слишком стремительно.

И вот вечером мы сидим с мужем перед телевизором. Мать появляется на экране в самом начале фильма. Я подаюсь вперед, хочу как следует все рассмотреть. Как она выглядит, как двигается, как разговаривает. Похожа ли

я на нее? Она покрасила волосы в медный блонд, выглядит подавленной. Мне нравится, как она выражает мысли. В детстве эта женщина для меня была просто мамой. Детям все равно, простоватый человек перед ними или образованный. Сейчас я сразу отмечаю, что мать умна, ее интересно слушать.

В документальном фильме показывают одну из ключевых сцен «Списка Шиндлера». Еврейка, инженер и бригадир на стройке, докладывает недавно назначенному коменданту Амону Гёту, что фундамент барака необходимо снести и залить заново. За это Гёт, которого играет Рэйф Файнс, приказывает расстрелять ее на месте. Она произносит: «Господин комендант, я просто делаю свою работу». Файнс в роли Гёта ей отвечает: «Да, а я свою».

Я вспоминаю, как смотрела фильм. Эта сцена меня потрясла. В ней выражено то, что не укладывается в голове: в лагере нет границ и барьеров, нет таких понятий, как человечность и здравый смысл.

И что мне — чернокожей, с друзьями по всему миру — делать со знанием, кто мой дед? Он разрушил нашу семью. Тень его поступков пала сперва на мою мать, потом на меня. Как может мертвый иметь власть над живыми? Неужели депрессия, которая меня мучает, связана с моим происхождением? Я пять лет жила и училась в Израиле — это совпадение или предназначение? Как мне теперь общаться с друзьями-евреями, зная, что дед уничтожал их родных?

Мне снится сон, будто я плаваю в темном озере и вода вязкая, как смола. Вдруг рядом всплывают трупы. Тощие фигуры, почти скелеты, лишённые человеческого облика.

Почему мать не сочла нужным рассказать мне о моем происхождении? Почему другим она сообщает то, что

в первую очередь должна знать я? От нее я не услышала ни слова правды, а мне необходима именно правда. На ум приходит знаменитое высказывание Теодора Адорно: «Жизнь в обмане — это не жизнь»*. Он вкладывал в эту фразу иное значение, но сейчас мне кажется, что она идеально описывает мою жизнь.

Мать есть мать, несмотря ни на что. У нас всегда были сложные отношения, и виделись мы редко. В книге о Монике Гёт упоминается 1970 год, год моего рождения, но обо мне нет ни слова. Будто меня нет.

Снова и снова я разглядываю одну фотографию в книге, на ней мать выглядит именно такой, какой я помню ее с детства. В глубине души будто открывается ящик за ящиком: оживают воспоминания о годах, проведенных в приюте, о чувстве безысходности и об одиночестве.

Я словно опять становлюсь беспомощным маленьким ребенком, утратившим надежду, и теряю способность управлять своей жизнью.

Постоянно хочу спать, только спать. Часто не встаю с кровати до полудня. Теперь мне все дается с трудом. Но я должна вставать, должна с кем-то разговаривать. Мне тяжело даже почистить зубы. Включаю автоответчик, перезванивать у меня нет сил. Я не вижусь с друзьями, отклоняю их приглашения встретиться. Что мне им рассказывать? Над чем смеяться? С семьей общаюсь словно через толстое стекло. Как родным понять меня? Я и сама не понимаю, что со мной происходит.

Для меня внезапно стало невыносимо, если рядом кто-то пьет пиво. Его запах вызывает рвотный рефлекс,

* Пер. А. С. Ерховой.

напоминая о первом муже матери. Он постоянно был пьян и в алкогольном дурмане избивал ее.

Две недели я почти не выхожу из дома. Иногда мне все-таки удается натянуть джинсы вместо домашних штанов, но вдруг накатывает страшная усталость и я спрашиваю себя: «Зачем было принимать душ и переодеваться, если я все равно не выхожу из дома?»

Муж берет на себя заботу о детях, в конце недели покупает продукты, забивает морозилку, готовит еду. Не люблю, когда сыновья сидят весь вечер перед телевизором, в такие моменты я чувствую себя плохой матерью. Поэтому решаю заказать в интернете набор Lego: дети заняты несколько часов и я могу отдохнуть.

Потом снова пытаюсь выйти на улицу, заняться семейными делами, но мне не даются даже самые простые задачи. Торговый центр, где полно людей, действует на нервы. Растерянно разглядываю стеллаж с кофе. Стоп, мне разве не надо на почту? Иду туда, но там слишком большая очередь. Возвращаюсь в супермаркет, застываю перед стеллажом с кофе. Вообще-то я пришла за молоком и хлебом, но уже пора озаботиться обедом — и где его взять? Ладно, обед подождет, пора забирать детей из сада. У меня подскакивает давление. Я словно в плену собственного сознания. Снова ничего не получилось.

В раннем детстве у меня не было матери как таковой, поэтому я хочу дать детям то, чего сама была лишена. Теперь, получается, я их бросаю. Режу хлеб, разогреваю полуфабрикаты. Простая практическая задача. Этого вполне хватит. Старший сын Клаудиус требует внимания. Вечерами он на мне виснет и болтает без умолку, не делая пауз, которыми можно было бы воспользоваться и увильнуть.

Я тщетно пытаюсь сосредоточиться, периодически киваю, показывая, будто слушаю. Однако больше всего на свете хочу лечь и укрыться с головой одеялом.

Ну почему моим дедом не оказался, скажем, Лорио*?

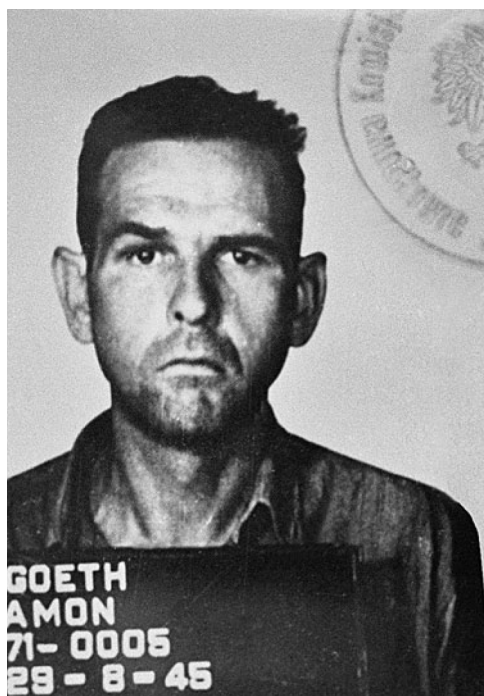
* * *

Любой, кто связан родственными узами с Йозефом Геббельсом, Генрихом Гиммлером, Германом Герингом или Амоном Гётом, вынужден примириться со своим прошлым. Но как быть с потомками огромного количества менее известных сторонников нацизма и соучастников преступлений?

Социальный психолог Харальд Вельцер в книге «Дедушка не был нацистом» пришел к выводу, что поколению внуков свидетелей Холокоста, то есть сегодняшних тридцати–пятидесятилетних людей, известно большинство исторических фактов о тех событиях и они отвергают нацистскую идеологию еще решительнее, чем предыдущее поколение. И все-таки их строгий взгляд обращен только на политику, не на частную жизнь. Те же самые внуки расценивают своих предков уже иначе: две трети опрошенных возводят их чуть ли не до героев Сопротивления или жертв нацистского режима.

Что конкретно совершили их деды, многие не знают. Для этого поколения Холокост — школьная тема, история преступлений и жертв, отраженная в фильмах и телепередачах. Он будто не касается их собственной семьи, их самих. Вокруг нас слыш-

* Лорио (наст. имя Вико фон Бюлов) — немецкий комик, актер, режиссер, писатель и художник. — *Прим. пер.*

Амон Гёт в 1945 году после ареста
американскими военными

ком много якобы ни в чем не повинных дедушек и семейных тайн. И как только последние свидетели того времени уйдут в мир иной, их внукам будет некого расспросить.

* * *

В детстве, смотря на себя в зеркало, я уже понимала, что отличаюсь от других: у меня темная кожа, курчавые волосы. Окружали меня исключительно блондины, взять хотя бы мою приемную семью — родителей и обоих братьев. Я другая — высокая, длинноногая, черноволосая. Тогда, в семидесятых, я была единственной темнокожей девочкой в Вальдтрудеринге, спокойном зеленом районе Мюнхена, где мы жили. В классе пели про десять негритят. Я всегда старалась быть незаметной, чтобы меньше людей замечали мою непохожесть.

После того дня в библиотеке я смотрю на себя в зеркало и ищу сходство. Мне страшно узнавать черты Гётов: мои носогубные складки точь-в-точь как у матери и деда. Сразу появляется мысль изменить их филлером, убрать, стереть с лица!

Я высокая — в мать и деда. Когда после войны Амона Гёта приговорили к повешению, палачу пришлось дважды укорачивать веревку: он недооценил фамильную рослость.

В одном историческом фильме показана казнь моего деда. Необходимо было документально подтвердить, что он действительно скончался. Только с третьей попытки Амон Гёт повис на веревке, сломав шею. Когда я вижу эту сцену, я не знаю, смеяться мне или плакать.

Дед был психопатом, садистом. Он воплощал в себе все то, что я ненавижу. Кем надо быть, чтобы изобре-

тать все новые и новые способы пытать и убивать людей и получать от этого удовольствие? Ни в одном источнике я не нашла объяснений, почему он таким стал. В детстве Амон выглядел вполне нормальным.

Возникает вопрос о крови. Что я могла унаследовать от Амона Гёта? Проявится ли его вспыльчивость во мне или в моих детях? Из книги о матери я узнала, что она лежала в психиатрической клинике. Также упоминались маленькие розовые таблетки, которые моя бабушка хранила в шкафчике в ванной. Я узнала, что это психотропный препарат, его назначают при депрессии, тревожном и бредовом расстройствах.

Я больше не доверяю себе. Вдруг я тоже сойду с ума? Или уже сошла? Я просыпаюсь среди ночи от жутких кошмаров. В одном из них я мчусь по коридорам психушки, выпрыгиваю из окна во двор и в итоге убегаю.

Я записываюсь к психотерапевту, которая помогла мне справиться с депрессией, когда я жила в Мюнхене, и еду к ней в Баварию.

До приема остается немного времени. Я иду в Хазенбергль, бедный квартал Мюнхена. Здесь жила моя биологическая мать. Иногда по выходным она забирала меня к себе. Тут ничего не изменилось, только фасады домов стали пестрыми: серо-бежевые разводы замазали желтой и оранжевой красками. На балконах сушится белье, на лужайках лежит мусор. Я стою перед многоквартирным домом, в нем жила моя мать. Кто-то выходит из подъезда и придерживает мне дверь. Я хожу по этажам, пытаюсь вспомнить, на каком она жила. Кажется, на втором. Ощущаю знакомую подавленность. Мне здесь никогда не нравилось.

Потом я еду на метро в Швабинг, шагаю мимо Йозефсплац с прекрасными старинными церквями, иду на Швиндштрассе. В одном из старых домов с каштанами на заднем дворе жила когда-то моя бабушка. Входная дверь открыта, я поднимаюсь по деревянным ступеням на самый верх. Бабушка была единственной, с кем мне было спокойно и безопасно, но книга о моей семье словно отняла приятные воспоминания. Как бабушка могла полтора года жить на вилле моего деда, которая находилась на территории концлагеря Плашов?

Еще у меня назначен прием в управлении по делам молодежи. Разговариваю с очень милой и отзывчивой сотрудницей. Кое-какие документы мне разрешают прочесть. Я спрашиваю, не отмечено ли где-то, что в детстве мне диагностировали психические расстройства.

Я не знаю многого, что известно другим. Как отвечать на вопросы врача о семейной медицинской истории? Сосала ли я в младенчестве пустышку, какие любила песенки, какая была первая игрушка? Обычно на такие вопросы отвечает мать. А у меня ее не было.

Нет, сообщает мне сотрудница управления, в документах ничего такого нет. Я росла жизнерадостным ребенком, нормально развивалась.

К кабинету психотерапевта я прихожу точно к назначенному времени. Мне необходимо выяснить, какой она тогда поставила диагноз, действительно ли это была депрессия или что-то еще серьезнее. Как она оценивает мое состояние сейчас? Врач успокаивает — тогда она диагностировала именно депрессию. Она добавляет, что, учитывая вопрос, который беспокоит меня сейчас, мне лучше обратиться к ее мюнхенскому коллеге Петеру Брюндлю.

Психоаналитик Петер Брюндль прекрасно помнит Дженнифер Тиге. «Ко мне пришла уверенная в себе, высокая, красивая женщина и задала конкретный вопрос: как принять семейное прошлое». Брюндль — пожилой мужчина в черном костюме, с седой бородой. Он принимал клиентов в доме старой постройки в Мюнхене, и среди них уже было несколько внуков нацистских преступников. Брюндль говорит: «Насилие и жестокость оставляют глубокий след, который ощущается следующими поколениями. Причем боль приносят не только сами преступления, но и их замалчивание. Этот злосчастный обет молчания в семьях нацистов передается потомкам».

Вина не наследуется, в отличие от чувства вины. По мнению Брюндля, дети преступников бессознательно передают отпрыскам свои страхи, чувство стыда и вины. С этим сталкивается гораздо больше семей в Германии, чем принято думать.

Случай Дженнифер Тиге стоит особняком, поскольку она перенесла двойную травму: сначала приют и удочерение, а потом знакомство с семейной историей.

«Госпоже Тиге крепко досталось, — считает Брюндль. — Даже ее появление на свет можно считать провокационным, поскольку Моника Гёт родила ребенка от нигерийца. Для Мюнхена начала 1970-х годов это воспринималось как из ряда вон выходящее, а в случае Моники Гёт — дочери коменданта концлагеря — и вовсе неслыханное».

Внуки нацистов, как правило, приходят к Петеру Брюндлю с другими проблемами: депрессией, бесплодием, расстройствами пищевого поведения, страхом неудачи в профессии. Психопсихиатр советует им кропотливо изучить прошлое и срубить семейное древо лжи. Только после этого они смогут жить своей, настоящей жизнью.

* * *

Петер Брюндль рекомендует обратиться в Университетскую клинику Гамбурга, в Институт психиатрии. Но специалист, к которому он меня направил, не отвечает на звонки. С каждым днем, проведенным в ожидании, я все больше отчаиваюсь. Мне и правда нужна профессиональная помощь, родным тяжело со мной. Я периодически завожусь, срываюсь на Гётца и на детей. Не могу взять себя в руки, не справляюсь.

Как-то раз прямо с утра я начинаю плакать. Сыновья спрашивают: «Мамочка, ты чего?» Всклипывая, отвечаю: «Ничего» — и мчусь в отделение неотложной психиатрической помощи при Университетской клинике. Дежурный врач выписывает антидепрессанты. Начинаю их принимать в тот же день.

Через несколько недель я немного восстанавливаюсь. Наконец-то записываюсь к тому психотерапевту по рекомендации. Он встречает меня в безликой приемной. Сразу распознает внутреннюю боль. Когда я рассказываю ему свою историю, он плачет вместе со мной. Становится легче. Больше я не видела у него такой реакции, но в следующие месяцы он всегда рядом.

Снова начинаю бегать. Я люблю находиться наедине с собой. Гулять, выходить на пробежку. Мне очень нравится одна тропинка в лесном массиве Гамбурга. Я бегу в тенистом лесу, дальше по полям, мимо конских пастбищ, потом через небольшой поселок, где в клумбах прячутся садовые гномы. В этом демонстративно идеальном мире есть что-то трогательное. После пробежки у меня ясная голова.

Моя приемная семья еще ничего не знает. Я все ей расскажу перед Рождеством. Мы собираемся в Мюнхене, в доме приемных родителей.

Вот такой подарок я вручила каждому: экземпляр книги о моей матери и толстую биографию Амона Гёта, написанную венским историком, — единственную в своем роде.

Мои приемные родители, Инге и Герхард (мамой и папой я теперь не могу их называть), изумляются и приходят в ужас. Когда я только нашла книгу, у меня мелькнула мысль, что они всё знали о моих биологических родных, но не хотели меня травмировать. Я боялась, что они тоже меня обманывали. Но очень скоро мне стало ясно: родители ничего существенного не утаивали. Их реакция доказывает мою правоту. Они тоже ничего не знали.

Инге и Герхарду всегда было трудно говорить о чувствах. Теперь они цепляются за научные формальности. В биографии Амона Гёта отсутствуют сноски, замечает Герхард. Он уточняет, совпадает ли приведенное количество погибших с данными из других источников. У меня жизнь с ног на голову перевернулась, а они обсуждают сноски! Хорошо, что Маттиас и Мануэль, мои приемные братья, сразу понимают, как важна для меня эта книга.

* * *

Приемная мать Дженнифер Тиге, Инге Зибер, до сих пор помнит, как в тот рождественский вечер та села на диван и попыталась начать разговор. «Дженни заявила, что нам надо кое-что обсудить. Сначала она сидела, молча нас разглядывая, а потом вдруг зарыдала, — рассказывает Инге. — Я сразу догадалась — случилось что-то серьезное». Услышав историю до конца, она обомлела. «У нас с мужем земля из-под ног ушла».

Маттиас, приемный брат Дженнифер, той ночью долго не мог уснуть. «У меня не укладывалось в голове, что выпало на долю Дженни. Эта книга открыла ей совсем другой мир. Иную сторону. Дженни узнала, кто ее предки. Она тщательно исследовала жизнь деда, но еще более досконально — жизнь бабушки и матери».

Дженнифер вдруг стала воспринимать себя частью не только приемной семьи, но и биологической. «Маму с папой это ранило», — признается Маттиас.

Он окружил сестру заботой. «Она была подавлена, убита горем, я ее никогда такой не видел. Дженни всегда выглядела сильной личностью. Из нас троих она была самой смелой и наиболее уверенной в себе».

* * *

В течение следующих месяцев Маттиас, наряду с Гётцем, становится для меня самым ценным собеседником. Он выуживает из интернета всё новые подробности о семье Гёт.

Мои израильские подруги Ноа и Анат заваливают меня письмами: «Дженни, ты куда делаешь? Почему не пишешь?» Я не отвечаю. Нет ни сил, ни слов. Не хочу причинять подругам боль. Я точно не знаю, где погибали их родственники во время Холокоста. Надо спросить. А что, если они ответят: «В Плашове»?

Жертвы Амона Гёта для меня больше не абстрактная масса незнакомых людей. Думая о них, я вспоминаю стариков, с которыми встречалась во время учебы в Израиле, в Гёте-Институте. Они пережили Холокост, но тем не менее хотели говорить по-немецки и слышать родную речь. У многих было плохое зрение, и я зачитывала им вслух отрывки из немецких газет и романов. Я замечала татуировки с цифрами у них на руках. Впервые в жизни мне захотелось извиниться за принадлежность к немецкой нации. Впрочем, темная кожа оказалась отличным прикрытием. Никто не принимал меня за немку.

Как бы ко мне отнеслись эти старики, узнай они, что я внучка Амона Гёта? Наверное, вообще не захотели бы иметь со мной дела. Увидели бы во мне его отражение.

Муж советует разыскать адрес матери, выплеснуть на нее всю злость, закидать вопросами. А еще рассказать израильским подругам, что произошло.

Не сейчас, говорю я себе. Пока надо подумать. И съездить к могилам. В Краков.

ГЛАВА 2

Глава концлагеря Плашов: Амон Гёт, мой дед

*Те, кто ему нравился, оставались в живых,
а те, кто нет, отправлялись на смерть.*

Мечислав «Метек» Пемпер,
в прошлом стенографист Амона Гёта

Я осторожно ступаю, шаг за шагом. Пол хлипкий. Старый паркет скрипит и прогибается. Здесь сыро и холодно, воздух спертый. Что там в углу, крысиный помет? Свет сюда почти не проникает. Ни свет, ни воздух. Я медленно иду по дому своего деда — по потемневшему паркету, на котором угадывается узор «елочка». Когда-то здесь находилась комната с охотничьими трофеями. Амон Гёт повесил в ней табличку с надписью: «Кто первым стреляет, тот первый по жизни».

Я хотела увидеть дом, в котором жили бабушка и дед. Экскурсовод — полька, чей адрес я нашла в интернете, — сообщила, что дом сохранился. Сейчас он принадлежит поляку-пенсионеру, который в нем живет и время от времени пускает немногочисленных посетителей. Экскурсовод по телефону договорилась о встрече.

На тихой улице Хельтмана в Плашове, пригороде Кракова, сразу бросается в глаза обветшалый дом, соседствующий с ухоженными особняками. Некоторые окна выбиты, висят грязные занавески: снаружи дом выглядит нежилым. На фасаде виллы висит крупная вывеска: «Sprzedam» («Продается»).

Входная дверь сохраняет следы былой красоты: темно-красное дерево, на котором еще просматривается орнамент, лишь незначительно потускнело. Неопрятный старик выпускает нас и ведет по тесному вестибюлю. Экскурсовод Малгожата Керес (буду называть ее просто Малгожата) переводит для меня с польского. Я ей не объясняла, почему дом привлек мое внимание, и она считает меня туристкой, увлекающейся историей.

Осматриваюсь. Со стен отваливается штукатурка. Почти нет мебели. Холод пронизывает до костей. Неприятно пахнет. Потолок подпирают деревянные балки. Надеюсь, дом не обрушится прямо сейчас и не погребет меня под завалом.

В этих шатких стенах живет прошлое.

Прошел год с тех пор, как мне в руки попала книга о матери. За это время я прочла все, что смогла найти о фашистском режиме и деде. Мысли об этом человеке меня преследуют, я с ним день и ночь. Кого я в нем вижу — своего деда или историческую личность? Для меня он существует в обеих ипостасях. Амон Гёт — комендант концлагеря Плашов и мой дед.

В юности я много читала о Холокосте. С классом мы посещали концлагерь Дахау. Книги о национал-социализме я проглатывала одну за другой: «Как Гитлер украл розо-

вого кролика» (When Hitler stole pink rabbit)*, «Кусочек неба» (Ein Stück Himmel), «Дневник Анны Франк» (Het achterhuis)**. Я видела мир глазами еврейской девочки, разделяла ее страх, а еще жажду жизни и надежду.

Учитель истории в гимназии показывал нам документальный фильм об освобождении концлагеря. Узники походили на скелеты. Я читала запоем, мне хотелось понять, что побуждало преступников так поступать с людьми. В итоге я сдалась. Существовали разные объяснения, но принять их было выше моих сил. Я поставила точку в размышлениях на эту тему, придя к выводу: никогда бы так себя не повела. Я другая. Немцы сейчас другие.

Впервые оказавшись в Израиле, — мне было чуть за двадцать, — я по-прежнему от корки до корки прочитывала книги, посвященные национал-социализму. Я многое изучила, со многими побеседовала. Казалось, я знаю о Холокосте все. И при этом намного сильнее меня беспокоили темы, которые имели отношение к происходящему здесь и сейчас: конфликт с палестинцами и угроза войны. Так же и у жертв, их детей и внуков, уже появились более насущные вопросы.

Я думала, что все понимаю, но теперь, когда мне около сорока, начинаю словно с чистого листа.

Одной из первых книг читаю классическую работу 1967 года «Неспособность скорбеть» (Die Unfähigkeit zu trauern) Александра и Маргарет Митчерлих. Мне понравился их подход. Они изучали внутренний мир людей, пытались

* Керр Дж. Как Гитлер украл розового кролика. — М.: Белая ворона, 2017.

** Дневник Анны Франк. — М.: Иностранная литература, 1960.

их понять, а не судить. Как практикующие психоаналитики они исследовали пациентов, которые до 1945 года были активными членами СС и других нацистских организаций. Ни раскаяния, ни стыда — казалось, этим людям не знакомо ни то, ни другое. Они, как и многие другие немцы, продолжали жить обычной жизнью, будто никакого Третьего рейха и не существовало. Читая книгу Митчерлихов, я держу в голове семейную историю и думаю о бабушке, которая до последнего отрицала преступления Амона Гёта.

На сегодняшний день вывод, к которому пришли Александр и Маргарет Митчерлих в конце 1960-х, — немцы отказались от прошлого и вытеснили вину, — более не актуален. Судить так, как авторы этой работы, значило бы признать, что каждый представитель немецкой нации нуждается в психотерапевтической помощи.

Также читаю книги потомков нацистов: Рихарда фон Шираха, сына рейхсфюрера Бальдура Бенедикта фон Шираха, и Катрин Гиммлер, внучатой племянницы рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Мне интересно узнать их семейные истории, я ищу сходства.

Я внимательнее присматриваюсь к каждому из своего окружения, все ставлю под сомнение. Отчим моей приемной матери, живший в Вене, участвовал в Североафриканской кампании Эрвина Роммеля. Во время длительных походов в горы он рассказывал нам, детям, увлекательные истории о тех временах, о приключениях честных бойцов в пустыне. Например, о том, как они по утрам пили воду, которая скапливалась на полотнище палатки, и как им однажды пришлось выкапывать машину из песчаной дюны. Сначала мы думали, что наш «дедуля из Вены» — так мы его

называли — был личным водителем Роммеля, но нет, он оказался простым солдатом Африканского корпуса. Однажды он сказал, что был в плену, — «поймали проклятые англичане».

Одна из историй служила страшилкой. Якобы на войне одному солдату отрубили голову, а он вдруг начал носиться туда-сюда — как был, без головы. Мы в детстве часто пугали друг друга, пересказывая дедушкины слова.

Командующего Африканским корпусом «дедуля из Вены» превозносил. Мол, Роммель, хитрый Лис Пустыни, не мог быть убежденным нацистом. Все это неправда — так наш дедушка считал. Что же вытеснила из памяти моя приемная семья?

Помню, как мы спорили с приемным отцом. Убежденный пацифист, он был социально активным человеком и в политике придерживался левых взглядов. Но стоило нам поднять тему Холокоста, как он начинал ставить под сомнение количество погибших, допуская, что их было меньше. Его споры с друзьями порой доходили до перепалок. Мы с братьями считали подобные дискуссии пустой тратой времени и не могли понять, почему для отца это было так важно.

И вот теперь во мне нет былой уверенности, что я другая и что прошлое позади. Мой дед — военный преступник. Что это значит для меня и нашего времени?

Мое восприятие реальности меняется. События, произошедшие давно, вдруг становятся близкими. В течение нескольких месяцев я столько всего читала и смотрела, что прошлое будто смотрит на меня в упор. Давнишняя история кажется совсем новой, недавней. Порой, когда я погружаюсь в мир моего деда, мне кажется, будто

он совершил преступления буквально вчера, а не столько лет назад.

И вот я в Кракове, на полусгнившей вилле. Сама не очень понимаю, что здесь ищу. Чего я хочу от этого дома, от этого города. Имеет ли вообще смысл здесь находиться? Единственное, что знаю точно: я была обязана приехать в Краков. Незадолго до поездки я лежала в больнице, у меня случился выкидыш.

Чувствую себя разбитой и подавленной. Психотерапевт отговаривал меня от поездки в Краков в таком состоянии, но мне это необходимо именно сейчас. Я прилетела в Варшаву, оттуда поездом отправилась в Краков, где приобрел дурную славу мой дед. Он засыпал этот город пеплом, когда в конце войны приказал выкопать и сжечь останки тысяч погибших узников концлагеря.

Я хочу увидеть, где совершал убийства мой дед. Хочу увидеть прошлое в максимальном приближении — а потом оторваться от него.

Старик, впустивший нас в дом, обводит рукой гостиную на первом этаже, где проходили празднества. Здесь они собирались — мой дед и другие нацисты, — распивали крепкие напитки и вино. Здесь бывал и Оскар Шиндлер. Нынешний хозяин дома ведет меня на террасу. Рассказывает, что Амон Гёт перedelывал дом, пристраивал к нему балконы и террасы. Ему было важно, чтобы открывался вид на зелень вокруг.

Когда-то дом явно был красивым, стиль мне нравится. Любопытно, мой дед сам спроектировал перестройку? Он интересовался архитектурой, как и я? Стоп, почему я вообще задаюсь вопросом, схожи наши вкусы или нет? Амон Гёт не тот образцовый дедушка, с которым ищут

Бывшая комендантская ви́лла Амона Ге́та в Плашове,
1995 год